

от дорогих могил. Рыдали и причитали женщины. Плакали родные расстрелянных и чужие.

Лес был ископан могилами, и все могилы были забиты расстрелянными и замученными.

С болью и страхом и вместе с тем с тайной надеждой, что здесь Олега нет, ходила я между раскрытыми могилами, приглядывалась, искала свое родное дитя.

Вместе с Ниной и Олей мы узнали страшно изуродованных Любу Шевцову, Семена Остапенко, Виталия Субботина и Дмитрия Огурцова.

Олега мы не нашли...

Девятнадцатого марта мы снова пошли в лес.

Только откопали первый труп, я без крика бросилась к нему. Я узнала Олега. Узнали его Нина и Оля.

Мой сын, которому не было еще и семнадцати лет, лежал передо мной седой. Волосы на висках были белые-белые, как будто посыпанные мелом. Немцы выкололи Олегу левый глаз, пулей разбили затылок и выжгли железом на груди номер комсомольского билета.

Сын пролежал в могиле полтора месяца. Яма оказалась мелкая, тело почти не было засыпано землей. Зато снег засыпал, а мороз сковал и сберег тело сына. Даже через полтора месяца после смерти Олег был прекрасен. На его высокий лоб падали седые пряди волос, длинные черные ресницы оттеняли спокойную бледность его лица.

Мне помогали Нина и Оля и какие-то совсем посторонние люди. Мы перенесли сына в гроб и на салазках повезли в город, к госпиталю.

На дороге разрывались немецкие снаряды, и мы часто останавливались. А мимо гроба все шли и шли вперед наши подразделения.

Какой-то боец с автоматом спросил меня:

— Мать, кого везешь?